

ОРАВ Владимир Алексеевич / ORAV Vladimir

Юсуповский дворец на Мойке / The Yusupov Palace on the Moika River

Россия, Санкт-Петербург / Russia, St. Petersburg

v.orav@yandex.ru

ССЕЛЕНИЕ ХУТОРОВ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х гг.

THE *KHUTORS'* ABOLISHMENT CAMPAIGN IN THE KARELIAN ISTHMUS IN EARLY 1950s

Abstract: The Karelian Isthmus had been a part of Finland for a long time and only in 1944 it was ceded to the USSR. The *khutor* (i. e. individual enclosed farm) system was the typical settlement pattern for the Karelian Isthmus. The Soviet citizens after having moved to the isthmus used the Finnish dwellings and farm buildings in the beginning. However, the decision was made in 1950 to abolish the *khutors* and resettle peasants to new collective farm villages.

This article considers the *khutors'* abolishment campaign in the Karelian Isthmus in early 1950s. It presupposed dismantling of Finnish houses and farm buildings. The houses were rebuilt then on the spots allotted for the central homesteads of new collective farms or *kolkhozes*. The article explores this campaign's pace, methods, results, essence and the peasants' attitude to it.

It is concluded that the abolishment was started on the initiative of the Leningrad region's authorities that did not take the peasants' interests into account at all. There were no any financial, material, labour, personnel or scientific prerequisites for the campaign. In fact, the abolishment became a shaky venture both socially and economically.

Ключевые слова / Keywords: Карельский перешеек, 1950-е гг., сселение хуторов, колхозы / The Karelian Isthmus, the 1950s, the *khutors'* abolishment, collective farms.

Карельский перешеек — регион со сложной судьбой. Являясь на протяжении длительного времени одним из наиболее динамично развивающихся районов Финляндии, в середине XX в. перешеек изменил свою государственную принадлежность и вошёл в состав СССР.

Ему отводилась важная роль в реализации послевоенной программы по созданию базы обеспечения Ленинграда овощами, картофелем и продукцией животноводства за счёт преимущественно внутриобластного производства. Поскольку к моменту вхождения перешейка в состав СССР в 1944 г. на нём фактически не осталось населения, одновременно решалась и проблема восполнения трудовых ресурсов, в частности, путём организации переселений колхозников из центральных областей РСФСР.

В период с 1944 по 1949 г. включительно развитие перешейка в условиях советской экономики и системы общественных отношений велось с учётом использования финской инфраструктуры, имущества и опыта ведения хозяйства. При

этом для размещения вновь прибывавших переселенцев использовалась недвижимость, оставшаяся от прежних владельцев¹.

Однако в 1950 г. было принято решение об отказе от дальнейшего использования финской недвижимости и инфраструктуры для развития сельского хозяйства перешейка в контексте создания овощекартофельной и молочно-животноводческой базы для снабжения Ленинграда². По инициативе Смольного 22 марта 1950 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О мерах по организационно-хозяйственному укреплению колхозов пограничной полосы и прилегающих к ней районов Карельского перешейка Ленинградской области». Одним из наиболее важных мероприятий, предусмотренных данным постановлением, было сселение хуторов, т. е. разборка финских домов и надворных построек на хуторах и их сооружение заново на заранее определённом месте центральной усадьбы колхоза³.

В настоящей статье рассматриваются темпы, методы, результаты и сущность мероприятий по сселению, а также отношение к ним со стороны крестьянства.

Процесс сселения хуторов на Карельском перешейке ещё не получил освещения в историографии. Фактически единственным исследователем, кто уделил внимание этой проблеме, является Г. И. Большакова. Автор утверждает, что финская хуторская система не устраивала советских переселенцев: «Финские усадьбы располагались далеко друг от друга и от центральных колхозных усадеб, что лишало советское население привычного тесного общения друг с другом. Если каждая финская семья жила самостоятельно, имела свои земельные и лесные наделы, которые поддерживались в соответствующем порядке, и порядок этот был незыблемым... то советское население эту традицию игнорировало, и обустроивались кто как мог»⁴. Из этого следует, что ликвидация хуторов произошла по инициативе колхозного крестьянства. Однако эта точка зрения не подтверждена каким-либо фактическим материалом.

Есть воспоминания современников о том, что сселение было действительно добровольным, тем не менее они, как будет показано далее, не соответствуют действительности. Бывший в то время начальником пограничной заставы Г. Я. Варварин

¹ Орав В. А. Наделение колхозников-переселенцев Карельского перешейка недвижимостью в 1945—1948 годах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4. С. 43—49.

² Его же. Партийно-советское руководство Ленинградской области и развитие Карельского перешейка в 1940-х — начале 1950-х годов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3. С. 26—28.

³ Его же. Политика Советского государства по восстановлению и развитию Карельского перешейка : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017. С. 24—25.

⁴ Большакова Г. И. Заложники новой границы: проблемы заселения и освоения Карельского перешейка в 1940—1960-х гг. СПб., 2009. С. 96.

на вопрос о том, почему Карельский перешеек так слабо заселён, отвечал: «А нечем было заселять, кто поедет в глухомань жить? Ни электричества, ничего. Финны привыкли хуторами жить. А как ребёнка в школу? У финнов около дома зимой лыжи торчат, ребёнок встал на лыжи и в школу, опять на лыжи и домой. А у нас разве пойдёт?»⁵. Показательно, что это слова человека, который сам не жил на хуторе в качестве крестьянина, не говоря уже о том, что в рассматриваемый период многим советским школьникам приходилось преодолевать по несколько километров от дома до места обучения пешком.

Воспоминания, рисуя туманную и неясную картину, в полной мере демонстрируют в данном случае низкую степень достоверности. Некоторые утверждали, что после определённого периода активной борьбы с хуторами, когда появилась возможность оставить дома на месте, ею охотно воспользовались, ибо «на месте стоит, да стоит дом. А его перетряхивать, так и посыплется — и старые, и всякие дома»⁶. Другие респонденты на вопрос о том, перевозились ли дома по собственной инициативе, из-за нежелания жить на хуторах либо по указанию начальства, не давали четкого ответа, отговариваясь тем, что «у финнов своя система, а у нас своя»⁷.

Следует отметить, что хутор был достаточно распространённой формой хозяйствования в России. Их массовое возникновение относится ко времени т. н. столыпинских реформ, когда хутора и отруба были избраны способом решения социально-экономических проблем деревни. Революция и Гражданская война прервали процесс становления хуторских хозяйств, однако в годы НЭПа он возобновился: право выхода из общины было закреплено в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. и к 1927 г. хутора заняли 16,3 % земель сельскохозяйственного назначения. Больше всего их было в Смоленской губернии и на Северо-Западе РСФСР, значительное их количество имелось и в центральных промышленных районах⁸. В ходе коллективизации многие хуторяне, вступив в колхозы, оставались жить на прежних местах либо вовсе не вступали в колхоз и оставались единоличниками. В одном только Псковском округе Ленинградской области к концу 1930-х гг. существовало около 12 тыс. хуторов⁹. Это не могло устраивать власти по ряду причин.

⁵ *Кривошеев Ю. В.* Государственные люди. Статьи и интервью с переселенцами Карельского перешейка. СПб., 2012. С. 87.

⁶ *Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка.* СПб., 2005. С. 84.

⁷ Там же. С. 87.

⁸ *Вылцан В., Маннинг Р.* Как советская власть ликвидировала хуторские хозяйства // *Наука и жизнь*. 1997. № 4. С. 48—49.

⁹ *Кононов А.* Селение хуторов на Псковщине // *Псков*. 2006. № 2. С. 168.

При наличии хуторов и мелких населённых пунктов эксплуатация крестьянства существенно затруднялась. По авторитетному мнению В. П. Попова, государство и крестьяне «хорошо понимали, что в мелких деревнях, отдалённых от районных властей, жить при советской власти будет посвободней, чем в крупных сёлах. Крестьяне старались остаться на месте, а власти — любым способом сосредоточить их под недремлющим оком режима»¹⁰. Хутора делали невозможным организационное укрепление колхозов. Председатели и бригадиры систематически жаловались: «Каждый день чуть не до вечера ходишь по хуторам и даёшь наряд»¹¹. В то же самое время, как отмечает уральский историк В. Н. Голдин, «личный, трудолюбивый крестьянский двор, встроенный в рамки колхоза, очень быстро доказал Партии свои экономические преимущества»¹², а это с той же политической точки зрения было недопустимо. Подлинные причины, по которым Советское государство так последовательно проводило политику укрупнения колхозов и свозки хуторов, лучше всего можно передать словами приводимого тем же автором источника: «Зачем идти в колхоз, он [единоличник] около колхоза живёт значительно лучше колхозника. Это действует на колхозы разлагающе»¹³.

27 мая 1939 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», в котором содержалось положение о ликвидации хуторских приусадебных участков колхозников и их сселении на центральные усадьбы колхозов. Постановление гласило: «Все земли личного пользования колхозников, находящиеся в колхозных полях вне усадеб, изъять из личного пользования и присоединить к общественным землям колхозов»¹⁴.

Данная политика в послевоенный период была распространена и на Карельский перешеек.

Первый пункт постановления Совета Министров СССР 22 марта 1950 г. гласил: «Обязать Ленинградский облисполком сселить в течение 1950—1952 годов 2400 хозяйств колхозников, расположенных на хуторах, в колхозные селения, из них в 1950 году 660 хозяйств, в 1951 году 900 и в 1952 году 840 хозяйств»¹⁵. Следует отметить, что помимо переноса жилых и производственных построек, в ходе сселения

¹⁰ «Второй и важнейший этап». Об укрупнении колхозов в кон. 50-х — нач. 60-х гг. // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 31.

¹¹ Цит. по: Кононов А. Сселение хуторов на Псковщине. С. 35.

¹² Голдин В. Н. Взгляд из деревни, или Почему пустует земля: историко-экономический роман. Екатеринбург, 2010. Кн. 1. С. 386—387.

¹³ Цит. по: Там же. С. 388.

¹⁴ О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания. Симферополь, 1946. С. 12.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 5446. Оп. 80. Д. 1997. Л. 74.

должен был осуществляться и перенос школ, больниц и даже сельсоветов¹⁶. Сселение хуторов, строительство новых колхозных сёл было одним из главных направлений деятельности руководства Ленинградской области в рассматриваемый период. Об этом свидетельствует тот факт, что заместителю председателя облисполкома Н. Я. Панарину и заместителю заведующего сельскохозяйственным отделом обкома Р. Придеину было поручено курировать данное направление, не отвлекаясь на другие проблемы. Райкомы партии должны были письменно отчитываться два раза в месяц о проделанной работе¹⁷.

Но даже несмотря на такое внимание, работы продвигались крайне медленно. Сроки и график проведения работ, предписанные Совмином, не были выполнены. Это подтверждается следующими статистическими данными. Всего на 1 января 1952 г. было перевезено и построено 697 домов. Осталось 1724 дома, которые подлежали сселению с хуторов на центральные усадьбы. К весне было построено только 35 и строилось 278. Практически все районы не выполнили плана, ибо руководство районов и колхозов «тормозят инициативу колхозников и не освобождают их от других работ на время постройки своего дома на центральной усадьбе». Лишь в Рошинском районе руководители «правильно поняли важность проведения мероприятий по сселению хуторов, систематически контролировали и обеспечили перевыполнение установленного колхозам плана по жилищному строительству»¹⁸. Секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) В. М. Андрианов не сомневался в успехе: «в конце года [1952 г.] мы должны будем доложить товарищу Сталину, что его указание по сселению хуторских хозяйств выполнено с честью. И, мне кажется, честь для каждого коммуниста и каждой районной организации выполнить это указание своего вождя товарища Сталина»¹⁹. По состоянию на начало 1954 г. хуторским по форме продолжало оставаться 771 хозяйство колхозников²⁰. Как явствует из записки председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину 28 февраля 1955 г., «свезено с хуторов свыше 2200 семей колхозников, но эта работа не закончена и по состоянию на 1 января 1955 г. на хуторах проживает около 400 семей»²¹.

Причинами были недостаток стройматериалов, отсутствие необходимого количества рабочей силы, т. к. колхозников не освобождали от сельскохозяйственных

¹⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 49. Д. 573. Л. 36.

¹⁷ Там же. Л. 21.

¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 70. Д. 174. Л. 197—198.

¹⁹ Там же. Л. 34.

²⁰ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 1684. Оп. 7. Д. 837. Л. 148.

²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 90. Д. 56. Л. 20.

работ, чтобы они могли заняться строительством своих домов. При среднегодовой ежедневной потребности в 600 человек на строительстве работало 130. Даже те дома, которые принимались областным Управлением по делам сельского и колхозного строительства, имели недоделки²². Систематический характер носили жалобы на качество строительных материалов. Председатель Приозерского РИКа Мещеряков говорил в марте 1952 г., что следует «потребовать от поставщиков повысить качество завозимых для колхозов материалов, особенно кирпича, извести, черепицы, а то завозят такой кирпич, который совсем нельзя пускать в строительство»²³.

Главная причина, на наш взгляд, заключалась всё же не в этих недостатках, а в полном нежелании крестьян участвовать в этих мероприятиях. У них, по существу, никто не спрашивал, хотят ли они заниматься этим делом или нет. Аппарат мог сколько угодно воображать, что в каждом колхозе «сами колхозники просят: “Помогите свезти хутора...”», но не везде они находят поддержку»²⁴, но действительности это не меняло. Кроме того, для большей убедительности приводились доводы политического характера, связанные с укреплением границы. Председатель Леноблисполкома В. Н. Пономарев говорил в начале 1953 г.: «Вопрос сселения хуторов имеет большое значение, кроме того, хутора — это рассадник шпионов и вредителей, и это заставляет быстрее с этим делом покончить»²⁵.

Показателен разговор, состоявшийся на заседании 9 января 1951 г. между председателем Леноблисполкома И. П. Петровым и его заместителями: «Человек жил на этой усадьбе ряд лет, некоторые родились, а сейчас надо переезжать. По-моему, нужно дать направленность, разъяснить. Сказать в докладе о необходимости проведения разъяснительной работы, особенно среди депутатов»²⁶. Если даже политически воспитанным депутатам Леноблсовета нужны были разъяснения, то что же можно сказать о рядовых трудящихся.

Широкое распространение среди крестьян нежелания заниматься ликвидацией своих хуторов отразилось в документах. В 1950 г. в колхозной среде преобладало представление, что «мы не прочь селиться и строиться, но пусть кто-либо всё это сделает за нас, а мы в готовые дома въедем и в готовые животноводческие помещения скот поставим»²⁷. В 1952 г. в колхозе «Сталинский путь» Сосновского района к

²² Там же. Оп. 70. Д. 174. Л. 182—190.

²³ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53а. Д. 2. Л. 52.

²⁴ Там же. Д. 136. Л. 94.

²⁵ Там же. Л. 100.

²⁶ Там же. Оп. 33. Д. 1400. Л. 166.

²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 573. Л. 38.

строительству, «по существу, не приступали, ссылаясь на то, что колхозники, якобы, не хотят переезжать с хуторов на новые центральные усадьбы, тогда как с колхозниками по этому поводу районные организации серьёзной работы не проводили». Аналогичным образом дело обстояло и со строительством общественных построек: «Колхозники не принимают почти никакого участия в строительстве общественных помещений и заготовке местных строительных материалов»²⁸. Как отмечал начальник Отдела сельского и колхозного строительства Пикалев, зимой в колхозах на строительстве работают 6 % колхозников, меньше чем на уборке²⁹. В одном из колхозов Сосновского района стройбригада состояла из одиннадцати человек, но в полном составе она никогда не работала. Люди являлись на работу по собственному желанию и уходили рано. Инструмент не точился³⁰. По данным районов, строительные бригады были созданы в 51 колхозе, но подавляющее большинство их существовало лишь на бумаге, к работе они не приступали. Каждая бригада включала не более десяти человек³¹. По словам одного из руководителей облисполкома, невыполнение плана можно объяснить только тем, что внутри района этой работой не занимались и рассчитывали на помощь извне. По каждому колхозу составлялись графики свозки хуторов, но когда подходили сроки, всё оставалось на бумаге³².

Причина, по меньшей мере, пассивности колхозников в деле сселения хуторов заключалась в том, что работы по разборке, перевозке и сборке домов были чрезвычайно трудоёмкими, требовали огромного количества физических сил, времени и стройматериалов. Вдобавок ко всему, на время, когда дом находился в процессе разборки/перевозки/сборки, людям нужно было где-то изыскать себе жильё. Об этом говорил лектор отдела пропаганды и агитации обкома партии Агамалян на совещании в Смольном 9 августа 1950 г.: «С этим переездом нужно покончить, так как деньги, которые государство даёт, пропиваются, на радостях получают деньги и пропивают. Им нужен транспорт. Нужно выполнять план, значит[,] требуется, чтобы колхозник работал и в течение месяца за 25 км. перевез двухэтажный дом, да сам бы и собрал. Колхозник говорит: разобрать я разберу, а как я соберу? Почему бы не создать подрядчика, солидную организацию. Мы идём к коммунизму, а получается кустарщина. Колхозники переезжать не торопятся и говорят, к чему нам эти деньги. Какой-нибудь трест Ленинграда может подсобить». На это секретарь обкома Н. Д. Казьмин возразил: «Вы на

²⁸ Там же. Оп. 70. Д. 174. Л. 182—190.

²⁹ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 33. Д. 1400. Л. 135.

³⁰ Безответственное отношение к большому делу // Сталинское слово (Сосново). 1950. 12 июля.

³¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 573. Л. 34.

³² ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53а. Д. 136. Л. 94.

Невском проспекте были? Видели, как там отвратительно идёт дело? А там ведь тресты»³³.

За участие колхозников в работе по переносу домов и строительству производственных зданий не было предусмотрено никакой оплаты. Считалось, что энтузиазма (мнимого) самих колхозников вполне достаточно. В проекте одного из решений Леноблисполкома, относящегося к 1951 г., сказано: «Рекомендовать колхозам организовать межколхозные сквозные строительные бригады на выполнение отдельных видов строительных работ (каменные, плотничные, кровельные) для строительства животноводческих построек. Оплату работ, выполняемых межколхозными строительными бригадами, производить за счёт колхозов в соответствии с уставом сельхозартели». В утверждённом варианте текст был в точности повторён, кроме того, предложения, где речь шла об оплате. Оно было опущено³⁴.

Все же постановление 22 марта 1950 г. в известной степени облегчало положение крестьян, т. к. все налоги и поставки колхозам и колхозникам уменьшались вдвое на время сселения. Согласно п. 8, колхозам и нуждавшимся колхозникам предоставлялся кредит «на перенос, восстановление и новое строительство жилых домов и надворных построек в размере фактических денежных затрат, но не свыше 10 тыс. рублей на одно хозяйство». Половина суммы относилась на счёт государства, а остальная часть должна была погашаться заёмщиком в течение десяти лет, начиная с третьего года³⁵. Наиболее рациональным поведением для колхозников в такой ситуации было ничего не делать, пользуясь в то же время предоставленными льготами. Так оно и случилось. Это подтвердил лектор Кокарев: «На строительстве как только колхозники выполняют работу, получают деньги, так пьют. И председатель колхоза с ними. Я даже затрудняюсь сказать, что тут надо предпринять»³⁶. К началу 1953 г. выдача кредитов колхозникам на переезд с хуторов была прекращена³⁷. В документах нашёл отражение случай, когда колхозники категорически отказывались заготавливать лес. Работы производились круглый год, людей пытались заставить переезжать зимой³⁸, но также безуспешно.

Не лучшим образом работали и государственные строительные организации, на которые было непосредственно возложено возведение общественных и производственных зданий. В 1952 г. трест «Ленсельстрой» при программе 15 млн рублей

³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 834. Л. 13.

³⁴ ЦГА СПб. Ф. 1684. Оп. 7. Д. 251. Л. 3, 25.

³⁵ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 80. Д. 1997. Л. 74об.—75.

³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 834. Л. 24.

³⁷ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53а. Д. 136. Л. 82.

³⁸ Там же. Л. 3, 4.

фактически выполнил работ на 6,3 млн рублей, то есть 42,1 %, в том числе по районам перешейка было выполнено работ на 810 тыс. рублей или 8,1 % программы. Срыв программы по перешейку объяснялся тем, что вновь созданные в районах перешейка строительные участки треста не были обеспечены материально-техническими средствами, отсутствовала жилая площадь для размещения рабочих и в силу этого вместо потребных 3480 рабочих во втором полугодии работало только 500, не было строительных механизмов и автомобильного транспорта. В 1953 г. трест «Ленсельстрой» был объединён с трестом «Ленстрой»³⁹.

Поскольку попытка возложить на колхозников основной объём работ кончилась неудачей, работали в основном люди с предприятий и учреждений Ленинграда и области в порядке шефства. Так, в Приозерском районе в 1953 г. шесть областных организаций должны были строить 46 домов, еще 56 домов — восемь организаций района, а строительство остальных 147 домов предполагалось осуществить силами самих колхозников. На январь 1953 г. в колхозах Выборгского района имелось 400 трудоспособных, поэтому силами колхозов за год могло быть построено только 130 домов из 300. Примерно такое же соотношение было в Приморском и других районах⁴⁰. В январе 1951 г. Б. Ф. Николаев говорил о том, что по инициативе Андрианова для строительства новых домов и хозяйственных построек в порядке шефства работает 151 ленинградское предприятие и, кроме того, было разрешено использовать технику МТС для перевозки домов. Из них работало на строительстве только 25, а остальные бездействовали из-за отсутствия стройматериалов, которые должны были приобретаться колхозами, но последние этого не делали, т. к. не имели денег⁴¹. План строительства животноводческих построек 1952 г. был выполнен всеми районами на 100 % и более. Это перевыполнение плана было достигнуто за счёт строительства коровников, в то время как птичников сооружалось недостаточно⁴². Такие хорошие показатели стали возможны только потому, что скотные дворы строились в основном ленинградскими организациями, за что областные руководители получили замечание от ЦК ВКП(б)⁴³.

Районные руководители пытались привлечь к строительству военных, но эта идея также не была реализована. Секретарь Приморского райкома Д. Валдай свидетельствовал: «В отношении воинских частей я ездил в Рошинский район, они

³⁹ Там же. Ф. 1684. Оп. 7. Д. 916. Л. 170—173.

⁴⁰ Там же. Ф. 7179. Оп. 53а. Д. 136. Л. 76, 85, 88.

⁴¹ Там же. Оп. 33. Д. 1400. Л. 138, 148.

⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 81. Д. 89. Л. 181.

⁴³ Там же. Л. 17.

разговаривать с нами не хотят, безболезненно могли бы выделить значительное количество людей из своих строительных батальонов. Нам этого вопроса не решить»⁴⁴.

Без преувеличения можно сказать, что основной рабочей силой на строительстве были студенты. В начальный этап сселения они посылались не из индустриальных, а из медицинских институтов, причём главным образом это были девушки, которых можно было определить только на подсобные работы⁴⁵. Правда, со временем указанный недостаток был преодолен. Председатель Приозерского РИКа Белоусов в январе 1953 г. выражал надежду, что «если только будут студенты в этом году, мы справимся с планом»⁴⁶. Поскольку колхозам не было до строительства никакого дела, в организации быта студентов имелось много недостатков. Их никто не встречал из председателей колхозов, зачастую последние находились в состоянии алкогольного опьянения, до места назначения студентам иногда приходилось идти пешком. Колхозы не готовили для них пищеблоки, были случаи пищевых отравлений⁴⁷. В целом, однако, положение студентов было сравнительно неплохим. Лектор Колесова рассказывала в начале августа 1950 г. о положении дел в Лесогорском районе: «Большую помощь нам оказали в организации художественной самодеятельности студенты. Студенты являются примером для колхозников. Питание исключительно хорошее, питаются как при коммунизме, кушают столько, сколько хотят. Организовано питание хорошо, из расчёта 12 рублей в день»⁴⁸. Студентам принадлежал приоритет в снабжении: «Завозимые продукты для студентов нужно вручать заведующим хозяйствами, чтобы не было недовольства населения, нужно организовать дело таким образом, чтобы лучшие продукты попадали студентам»⁴⁹.

В то же время сселение вызвало кризис в обеспечении новых партий переселенцев жилой площадью: было запрещено размещать новые партии переселенцев на хуторах. Из переселённых в 1952 г. 600 семей только 425 (70 %) получили отдельные дома⁵⁰.

Непредвиденным последствием усилий власти по реконструкции инфраструктуры перешейка явился уход выделенных для этих целей строительных материалов на сторону. Поскольку в рассматриваемый период исключительно остро стояла жилищная проблема, а эффективных мер для её решения государство не

⁴⁴ Там же. Оп. 49. Д. 573. Л. 20.

⁴⁵ Там же. Л. 12.

⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53а. Д. 136. Л. 79.

⁴⁷ Там же. Л. 363.

⁴⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 834. Л. 44.

⁴⁹ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 53а. Д. 136. Л. 363.

⁵⁰ Там же. Л. 91, 100.

предпринимало, люди сами строили себе жильё. Строились как те, кто был долгое время связан с городом, так и те, кто недавно перешёл на работу в промышленность и на транспорт. Советский Союз захлестнула волна самовольного строительства, которая не считалась ни с какими планами. В этот период получила распространение перевозка колхозниками домов из деревни в город⁵¹. Тем временем на перешейке строительные материалы, завезённые в достаточном количестве по линии потребкооперации, «до сих пор колхозами выбираются слабо» либо используются не по назначению (например, «три тонны железа, предназначенные для покрытия коровника, было реализовано покупателям»)⁵². В 1950 г., по данным Отдела сельского и колхозного строительства, в области было построено 1025 домов, из них 825 — неорганизованным путём. Председатель Леноблисполкома И. П. Петров подчеркнул, что «это построено из наших материалов и этими же самыми людьми» и на кредиты от государства⁵³.

Качество новых домов оставляло желать много лучшего. Утверждалось, что «при строительстве новых домов колхозников вводятся значительные улучшения: дома строятся на каменных фундаментах, увеличиваются размеры дверей и окон. Следует особо подчеркнуть, что в целом восстановление наших деревень ведётся на более высоком культурном уровне»⁵⁴. Дома, возводившиеся для советских переселенцев после Зимней войны, по свидетельствам финнов, относящимся к периоду Войны-продолжения, отличались весьма низким качеством постройки: углы стен не были врублены, брёвна просто были положены друг на друга, полы делались без балок (половицы укладывались прямо на землю), печи были плохо сложены и дымили, двери и окна не были подогнаны и т. д.⁵⁵. В номере газеты Сосновского района «Сталинское слово» от 25 декабря 1951 г. была помещена фотография, на которой изображена счастливая колхозница артели «Знамя труда» Огородникова со своими детьми у своего нового дома. Видно, что дом совсем не велик, на два окна налицо, и что он не выдерживал никакой критики в сравнении с большими финскими домами (о размерах последних свидетельствует тот факт, что в некоторых из них в 1945—1949 гг. размещалось больше одной семьи, да и в тексте «рекламы» прямо идёт речь о преимуществах хуторских домов). Зачастую большие финские постройки делились на несколько более мелких. Управляющий

⁵¹ Бон Т. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. М., 2013. С. 215.

⁵² Там же. С. 198.

⁵³ ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 33. Д. 1400. Л. 148—149.

⁵⁴ Антонов С. Ленинградская область к выборам в местные Советы депутатов трудящихся // Пропаганда и агитация. 1947. № 21. С. 45.

⁵⁵ Молчанов А. К. На грани войны и мира: Карельский перешеек и Северное Приладожье в 1939—1948 годах. СПб., 2005. С. 24.

Леноблпроекттрестом Г. Е. Александров говорил: «Есть у нас очень много хороших построек, и там начинается делёжка этих домов на 2 дома. Если постройка хорошая, доброкачественная, то лучше использовать её на общественное здание, а не резать на два жилых дома»⁵⁶.

Проекты будущих центральных усадеб, изготовленные в 1947—1949 гг., в связи с укрупнением колхозов, были пересмотрены, и все работы по их составлению были начаты заново. При выборе районными властями местоположения центральных усадеб мнение колхозников зачастую игнорировалось. Так было в случае с колхозом «Пионер» Выборгского района⁵⁷. Так, в Лесогорском районе к июню 1950 г. было разработано девять эскизов планировки. Из них пять оказались непригодными, так как были выполнены без привязки к рельефу местности, внутриколхозному землепользованию и без учёта расположения мелиоративных сооружений. Вследствие пересечённости местности сёла проектировались на засеянной пашне⁵⁸.

Таким образом, мероприятия по селению хуторов были инициированы властью без какого-либо учёта интересов колхозного крестьянства. Они не имели достаточных финансовых, материальных, трудовых, кадровых и научных предпосылок и, по сути, являлись социально-экономической авантюрой. Качество вновь возводимых домов уступало финским аналогам. Сама по себе динамика выполнения и результаты работ также говорят о том, что крестьяне были абсолютно не заинтересованы в данных мероприятиях. В целом им удалось успешно саботировать все начинания региональных властей, поэтому государству для выполнения поставленных задач фактически пришлось взять на себя все затраты, вызванные развёртыванием столь масштабного строительства.

Список литературы

Большакова, Г. И. Заложники новой границы: проблемы заселения и освоения Карельского перешейка в 1940—1960-х гг. / Г. И. Большакова. — Санкт-Петербург : Астерион, 2009. — 134 с.

Бон, Т. «Минский феномен»: городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны / Т. Бон ; пер. с нем. Е. Слепович. — Москва : РОССПЭН, 2013. — 413 с. — (История сталинизма).

«Второй и важнейший этап». Об укрупнении колхозов в кон. 50-х — нач. 60-х гг. // Отечественные архивы. — 1994. — № 1. — С. 32—49.

⁵⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 573. Л. 6.

⁵⁷ Там же. Оп. 62. Д. 469. Л. 43.

⁵⁸ Там же. Оп. 49. Д. 573. Л. 10.

Вылцан, В. Как советская власть ликвидировала хуторские хозяйства / В. Вылцан, Р. Маннинг // Наука и жизнь. — 1997. — № 4. — С. 68—76.

Голдин, В. Взгляд из деревни, или Почему пустует земля : историко-экономический роман : в 2 кн. — Кн. 1 / В. Голдин. — Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2010. — 434 с.

Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2005. — 477 с.; ил.

Кононов, А. Процесс сселения хуторов на Псковщине / А. Кононов // Псков. — 2006. — № 2. — С. 167—172.

Кривошеев, Ю. В. Государственные люди. Статьи и интервью с переселенцами Карельского перешейка / Ю. В. Кривошеев. — Санкт-Петербург : Академия исследования культуры, 2012. — 240 с.

Молчанов, А. К. На грани войны и мира. Карельский перешеек и Северное Приладожье в 1939—1948 гг. / А. К. Молчанов. — Санкт-Петербург : Курорты Петербурга, 2005. — 52 с.

Орав, В. А. Наделение колхозников-переселенцев Карельского перешейка недвижимостью в 1945—1948 годах / В. А. Орав // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. — 2016. — № 4. — С. 43—49.

Орав, В. А. Партийно-советское руководство Ленинградской области и развитие Карельского перешейка в 1940-х — начале 1950-х годов / В. А. Орав // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — 2016. — № 3. — С. 26—28.

Орав, В. А. Политика Советского государства по восстановлению и развитию Карельского перешейка : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Владимир Алексеевич Орав. — Санкт-Петербург, 2017. — 31 с.